

УДК 94(47).041

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

Судебник Ивана III – памятник права централизованного Русского государства?

Пенская Т.М. , Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Одобренный в 1497 г. Иваном III и Боярской думой свод права, известный как Судебник, по традиции считается сводом права единого Русского государства, то есть действующим на всей его территории. Эта точка зрения, неоднократно повторенная во множестве научных исследований и растиражированная в учебниках, стала аксиомой, которая не обсуждается и не подвергается сомнению в силу своей кажущейся очевидности. Однако в последние десятилетия углубленное изучение реалий формирования централизованного Русского государства и особенностей функционирования его властных механизмов поставили под вопрос эту, казалось бы, незыблемую точку зрения. Несколько лет назад российский историк В.А. Кучкин опубликовал небольшое исследование, в котором высказал предположение, что Судебник 1497 г. вовсе не носил общерусский характер, но действовал только на территории великокняжеского «домена». Авторы статьи, взяв за основу выдвинутый историком тезис, подошли к проблеме с иной точки зрения, подведя под идею В.А. Кучкина другую систему доказательств и показав, что на практике Судебник имел весьма ограниченное хождение и в лучшем случае может считаться лишь первым шагом на пути формирования системы действительно общерусского права.

Ключевые слова: раннее Новое время, централизованное государство, право, Российское государство, Иван III, Судебник

Для цитирования: Пенская Т.М., Пенской А.В. 2022. Судебник Ивана III – памятник права централизованного Русского государства? NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 525–538. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

The Judicial Book of Ivan III – a Monument of the Law of the Centralised Russian State?

Tatyana M. Penskaya , Alexander V. Penskoy

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. In 1497 Ivan III and the Boyar Duma approved a code of law. It went down in history as the Sudebnik of 1497. By tradition, it is considered the first code of law of the Russian centralized state, and acted throughout its territory. This point of view has been repeatedly repeated in many scientific studies and replicated in textbooks. Over time, it has become an axiom that is not discussed or questioned due to its apparent obviousness. However, in recent decades, an in-depth study of the realities of the formation of a centralized Russian state and the peculiarities of the functioning of its power mechanisms have called into question this seemingly unshakable point of view. A few years ago, the Russian historian V.A. Kuchkin published a small study. In it, he made an interesting suggestion. According to the researcher, the Sudebnik of 1497 was not at all of an all-Russian character and acted only on the territory of the grand ducal "domain". The authors of the article, taking as a basis the thesis put forward by the historian, approached the problem from a different point of view. They summed up the idea of

V.A. Kuchkin another system of evidence. The article shows that in practice the Sudebnik had a very limited circulation and, at best, can be considered only the first step towards the formation of a system of truly all-Russian law.

Keywords: early Modern, centralized state, law, Russian state, Ivan III, Sudebnik

For citation: Penskaya T.M., Penskoj A.V. 2022. The Judicial Book of Ivan III – a Monument of the Law of the Centralised Russian State? NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 525–538 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-525-538

Введение

В этом году исполняется 525 лет с того дня, когда Иван III и его думные бояре одобрили текст Судебника 1497 года «Того же лета (имеется в виду 7056 год от Сотворения мира – *Авт.*) князь велики Иван Васильевич придоумал з бояры и оуложил соуд соудити и бояром, околничим, а оу боярина бытии диакоу, а соудити по Соудебнику по великого князя», – так записал для потомков известие об этом событии неизвестный составитель хроники, которую ее первооткрыватель А.Н. Насонов назвал Троицким летописцем [Насонов, 1970, с. 384]. Для современников этот памятник русского права остался, судя по всему, практически неизвестным – о нем практически не писали летописцы, сам Судебник сохранился в единственной рукописи, которая к тому же датируется 1-й пол. 40-х гг. XVI в. [Клосс, Назаров, 2000, 67]. Для сравнения, «Русская Правда» в разных ее редакциях-изводах сохранилась примерно в сотне списков, а Судебник Ивана IV – в 40 [Кзаков, 2000, с.140]. Не нашел, похоже, широкого применения Судебник и в повседневной практике московского судопроизводства. Так, согласно подсчетам А.А. Калашниковой, с момента принятия Судебника и до появления следующего, «царского» Судебника 1550 года, сохранилось 163 судебных акта, и нормы Судебника 1497 года упоминаются лишь в 30 из них – то есть менее чем в 20 % [Калашникова, 2016, 288].

Но если судебник Ивана III и был обделен вниманием современников, то этого никак не скажешь о потомках. С того самого момента, как князь М.М. Щербатов упомянул об этом памятнике русского права (узнав о нем из Типографской летописи), а К.Ф. Калайдович и П.М. Строев опубликовали сам текст этого юридического памятника (в 2019 году исполнилось 200 лет этому событию), Судебник стал объектом пристального внимания российских и советских историков и правоведов. Характеризуя начальный этап изучения Судебника в русской исторической и правовой науке, Ю.Г. Алексеев отмечал, что на складывание этой традиции серьезное влияние оказала характерная черта развития исторической науки в имперской России – ее разделение на собственно «историю» (которая, по словам историка, читалась на историко-филологических факультетах и главным объектом своего изучения имела историю политическую, отражая «ту или иную концепцию общего хода русского исторического процесса») и «историю права» (эта последняя концентрировалась на исследовании памятников русского права «и – по тогдашней терминологии – «юридического быта» Древней Руси»). «Такое разделение сферы научных интересов определило и характерные особенности изучения Судебника», а именно в контексте истории русского права и политической истории, параллельно и практически независимо друг от друга – констатировал ученый свои наблюдения [Алексеев, 2019, с. 339]. И эта традиция сохраняется, по существу, и по сей день.

Впрочем, анализ обширнейшей историографии Судебника, российской и зарубежной, как заслуживающий специального исследования в силу ограниченного объема статьи не является предметом нашего пристального внимания. К тому же наличие относительно свежих обзоров литературы по проблеме (к которым мы и отсылаем желающих поближе ознакомиться с этим вопросом [см., например: Алексеев, 2019; Скрипилев, 2000]) позволяет нам сразу перейти к делу, а именно – ответить на вопрос, являлся ли Судебник Ива-

на III первым сводом права централизованного Русского государства, как принято считать согласно устоявшейся в отечественной историографии традиции, или же, как полагает В.А. Кучкин, его юрисдикция распространялась только на территорию великокняжеского «домена».

Современная историография о централизованном государстве и его особенностях

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о том, что принятие Судебника 1497 года самым теснейшим образом связано с формированием институтов Русского централизованного государства и, как следствие, его принятие означало замену в Российском централизованном государстве Русской Правды (в ее пространной редакции) в качестве основного источника светского писаного права новым правовым кодексом, сборником великорусского права, права централизованного государства [Скрипилев, 2000]. Однако эта увязка предполагает уяснение природы и сущности этого централизованного государства, особенностей его формирования, становления последующего развития его основных институтов, к которым, несомненно, относится и правовая система. В этой связи нельзя не поставить вопрос: как можно определить сущность централизованного государства, время сложения которого приходится на «долгий XVI век»? Чем оно отличается от пресловутых средневековых «сословно-представительных» монархий, рыхлых и неконсолидированных (хотя бы внешне)? Принято считать, что «образование централизованного государства включало в себя два взаимосвязанных процесса: **формирование единой государственной территории за счет объединения русских земель** и установление **реальной власти** единого монарха над всей этой территорией (выделено нами – *Авт.*)...» [Российское законодательство X–XX веков, 1984, с. 8].

Итак, основными признаками централизованного государства по традиции можно считать формирование единой государственной территории (хотя это быть может отнесено и к средневековым государствам) через объединение земель (тоже, впрочем, достаточно спорное утверждение) и установление реальной власти монарха над этой территорией, и новое законодательство (в нашем случае Судебник) должно было этому процессу в немалой степени поспособствовать. Здесь впору вспомнить слова американского русиста Н. Коллманн, которая писала, подводя промежуточные итоги изучения истории государства и права раннего Нового времени, что процессы их формирования включали в себя, помимо прочего, и наращивание соответствующей властной «мускулатуры». Последняя, отмечал историк, включала в себя, помимо всего прочего, еще и новое законодательство [Kollmann, 2012]. Однако она отмечала также, резюмируя результаты исследований последних десятилетий в этом направлении, что преувеличивать силу и влияние верховной власти в раннемодерных государствах отнюдь не стоит. «Раннемодерные государства превращались в современные благодаря органичному сочетанию таких свойств, – продолжала она, – которые в социальной теории часто рассматриваются как полярные категории: централизация/децентрализация, персонализм/публичность, власть закона / власть обычая» [Kollmann, 2012, с. 2, 3].

К схожим выводам пришел и отечественный историк К.В. Петров, который, характеризуя особенности функционирования верховной власти в Русском государстве в эпоху Ивана III, отмечал, что, во-первых, раннемодерное государство было существенно слабее, нежели современные государства, обладая значительно менее развитыми возможностями оказывать влияние/воздействие/давление на общество, а во-вторых, Российской государство в этом отношении было слабее, нежели его европейские современники в силу ограниченности своих финансовых и, следовательно, административных возможностей. Поэтому, продолжал он, «государство, будучи не в состоянии своими силами обеспечить соблюдение правопорядка на территории страны, для решения указанной задачи привлекало само общество в форме губных и земских органов в XVI в.», и вообще, возможности рос-

сийского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе» [Петров, 2008, с. 375, 376].

Однако, привлекая к управлению государством «землю», верховная власть тем самым вынуждена была, с одной стороны, делиться с нею своими властными прерогативами (обстоятельство, на которое указывала, к примеру, К. Барки, характеризуя отношения между султанской властью и местными сообществами и «корпорациями» [Barkey, 2008]), а с другой стороны, соглашаться с тем, что «земля» может иметь свое мнение. И это мнение, которое может отличаться от точки зрения верховной власти, не может не быть принято в расчет, если она, верховная власть, желает сохранить лояльность со стороны своих как будто подданных. В известном смысле можно вести речь о своего рода неписаной «конституции», лежавшей в основе любой раннемодерной государственности. Суть ее кратко, но емко описала уже упоминавшаяся нами выше Н. Коллманн в следующих словах: «Во всех подобных государствах (имеются в виду государства раннего Нового времени. – *Авт.*) легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, **согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе**» (выделено нами. – *Авт.*) [Kollmann, 2012, с. 416], одним словом, действовать в интересах «общего блага» [Кром, 2006, с. 292].

Мы не случайно выделили в этой цитате именно эту фразу – она имеет для нашего небольшого исследования большое значение. Не подлежит сомнению, что московское общество времен Ивана III (да и его преемников тоже) было обществом аграрным, обществом «первой волны» (Э. Тоффлер), тяготевшим к сохранению и воспроизводству, желательно в неизменном виде, «старины»: «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» [Розанов, 1904, с. 34]. Именно перемену в старых обычаях ставил в вину Василию III И.Н. Берсень-Беклемишев, казненный в 1525 году за «супротивные речи» – по его мнению, «которая земля переставляет обычаи свои, и та земля не долго стоит» [Следственное дело Максима Грека, 1838, с. 11].

Можно ли, в таком случае, отнести раннемодерное московское общество к «холодным» (по классификации К. Леви-Стросса) обществам? Представляется, что вполне. Следовательно, к московскому обществу конца XV в. можно отнести и следующие слова исследователя: «Холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный процесс изменений внутри и снаружи, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни. – *Авт.*) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. Может ли верховная власть в условиях, когда ее действия во многом зависят от того, как они будут восприняты «землей», игнорировать такую позицию своего младшего «партнера»? Представляется, что нет. Следовательно, в своих действиях власть будет волей-неволей ориентироваться на «старину» – как это сделал Иван III, обосновывая свои права на Новгород («Мы владем вами (новгородцами. – *Авт.*) и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете...» [Московский летописный свод..., 2004, с. 285]) или же «маскируя» «новины» под «старину» – подобно Ивану IV и его боярам, принявшим, «исправя по старине», новый, Царский, Судебник в 1550 года [Стоглав, 2015, с. 53].

Не стоит забывать также и отмеченную еще в конце XIX в. двойственную природу русского права, в котором, как писал русский правовед А.Н. Филиппов, сосуществовали право «коронное», великокняжеское, писаное, и право обычное [Филиппов, 1886, с. 58], неписаное и некодифицированное, но, поскольку именно оно было освящено традицией, «старинной», то оно и первенствовало над писанным. И верховная власть принимала такое

положение дел как должное. «Московские государи еще не осознают, что их воля может творить право, – отмечал М.А. Дьяконов, – в их глазах всякое право должно иметь санкцию старины» [Дьяконов, 2005, с. 159]. Да и сами московские государи, взращенные в «холодной» консервативной среде, не приветствовавшей «новины», не были, очевидно, предрасположены к переменам, тем более если последние должны были носить радикальный характер. Исправить, точнее, восстановить порушенную в период всяких неустойчивостей «старину» – это да, к этому они были готовы, тем более что и само общество ожидало от них именно этого, но вот вводить нечто, что не имело аналогов прежде – к этому они не были готовы и это они делать не собирались.

К двойственной природе русского раннемодерного права самое что ни на есть непосредственное отношение имеет любопытная концепция, выдвинутая британскими историками Г. Кенигсбергером и Дж. Эллиотом [Elliott, 1992; Koenigsberger, 1978]. Суть ее заключается в том, что, по их мнению, европейские государства, монархии раннего Нового времени представляли собой *composite states*. Главная и, пожалуй, едва ли не самая характерная черта таких монархий заключалась в том, что, новые «централизованные» монархии на деле представляли собой «лоскутные» государства, в которых прежние местные элиты сохраняли немалую часть своих властных полномочий и «свобод», но верховная власть «надстраивала» над традиционными административными, Судебными и иными подобного рода структурами свои [Elliott, 1992, с. 57]. И коронное право в таком случае выступало «надстройкой» над прежним правовым обычаем, на основании которого вершилось и вершилось прежде правосудие в той или иной земле.

Итак, руководствуясь изложенными выше соображениями, мы и попробуем проанализировать ситуацию, которая сложилась вокруг Судебника 1497 г. и определиться с его местом в системе русского права в конце XV – нач. XVI вв.

Судебник 1497 года – свод права великокняжеского домена?

Некоторое время назад В.А. Кучкин в небольшой статье «Заметки о Судебнике 1497 г. Ивана III» подверг критике ряд устоявшихся мнений относительно этого правового акта и его места в системе права молодого Русского государства. «Судебник 1497 г. Ивана III был предназначен не только не для всех слоев населения Русского государства конца XV в., – отмечал он, – **он был рассчитан для использования лишь в тех местах этого государства, где были домениальные владения Ивана III** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Кучкин, 2020, с. 169. Ср.: Бенцианов, 1998, с. 6–20]. Таким образом, исследователь подверг сомнению один из наиболее распространенных тезисов относительно природы Судебника Ивана III, а именно его оценку как первого свода права централизованного Русского государства.

В этой статье исследователь развил идеи, которые контурно были обрисованы им еще в 2000 году, когда увидел свет сборник, посвященный 500-летию принятия Судебника Ивана III. В статье «Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей» историк отмечал, что в этом правовом акте было зафиксировано расширение, по сравнению с прежними временами, судебных прерогатив московского великого князя «и, как следствие этого, централизация суда». Однако вместе с тем, продолжал дальше В.А. Кучкин, «было бы ошибкой думать, что великий князь московский в конце XV в. стал не только верховным, но и единственным носителем высших судебных полномочий в Русском государстве», поскольку в самом тексте этого правового акта было указано на равенство судебных полномочий великого князя и его детей, а из 30-й статьи Судебника следовало, что судебная власть великого князя не распространяется на владения удельных князей [Кучкин, 2000, с. 128].

Это наблюдение историка заслуживает, на наш взгляд, того, чтобы обратить на него более пристальное внимание. Действительно, если внимательно и непредвзято вчитаться в

тексты межкняжеских докончаний, то перед нами предстает картина юридической чересполосицы, характерной для Русского государства того времени, причем корни этой чересполосицы уходят в далекое прошлое. Еще в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович, договариваясь со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, в докончании прописывал: «А что мя благословил отец мой, князь велики Иван, оуделом дяди моего, князя великого Семеновым, того ти не искати, тебе знати свою очина, а мне знати свою очина». И дальше этот тезис детализировался – князья четко и недвусмысленно разграничивали сферы своих полномочий и свои права суверенных государей в своих уделах по принципу *rex est imperator in regno suo*. Так, Дмитрий и Владимир договаривались о том, что в своих уделах они обладают верховной судебной и фискальной властью: «В твои ми оудел данщиков своих и приставов не всылати. Тако же и тебе в мои оудел данщиков своих, ни приставов не всылати, ни во все мое великое княжение» Кроме того, они обязывались не выдавать жалованных грамот за пределами своего удела: «А в твои ми уделе грамот жаловальных не давати. Тако же и тебе в мои оудел и во все мое великое княженье не давати своих грамот» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 20, 21].

В договоре были и другие статьи, развивавшие и дополнявшие эти положения. Нетрудно заметить, что все они так или иначе, но подчеркивали независимый статус князя-вотчинника и его исключительное право вершить суд и расправу, собирать налоги и осуществлять прочие виды административной деятельности на территории своего «домена». Эта традиция, основы которой были заложены, вне всякого сомнения, намного раньше (достаточно обратить внимание на сохранившиеся договоры между Великим Новгородом и тверскими князьями 2-й пол. XIII в., в которых сдержатся отдельные положения, повторяющиеся в межкняжеских соглашениях, – например, о неприобретении земель и невыдаче грамот [см., например: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с. 12, 12]), сохраняется и дальше, воспроизводясь во все новых и новых межкняжеских докончаниях. Положение о невмешательстве в дела партнера по договору повторяется, к примеру, в соглашении 1389 года между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, и в договоре 1390 года между Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем, и в докончании 1401/1402 гг. Василия Дмитриевича со своими братьями Андреем и Петром, и в ряде 1428 года Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича и др. аналогичных актах [Духовные и договорные грамоты..., 1950]. Стоит обратить внимание на то, что в этих соглашениях появляется новая формулировка, которая заменяет собой предыдущие, но вместе с тем она подчеркивает суверенность князя в делах внутри своего «домена» – договаривающиеся стороны взаимно обязываются «блюсти, а не обидети, ни вступатися» во внутренние дела друг друга [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 64, 70].

«Блюсти, а не обидети, ни вступатися» – эта новая трактовка сущности отношений между великими и удельными князьями в неизменном виде будет встречаться в межкняжеских докончаниях XV–XVI вв. Она присутствует, к примеру, в докончании 1434 года Василия Васильевича с можайским князем Иваном Андреевичем и белозерским князем Михаилом Андреевичем, и в договоре 1447 года Василия Васильевича с серпуховским князем Василием Ярославичем, великого князя Ивана Васильевича со все тем же Михаилом Андреевичем, заключенным в 1462/1464 гг. [Духовные и договорные грамоты..., 1950]. Аналогичным образом договариваются, к примеру, и братья Иван Васильевич и Андрей Васильевичи около 1472 года – в их докончании точно также оговаривается норма, согласно которой «в тот мой оудел... не вступатися под мною, и твоему сыну... ваши детем под моими детми, и блюсти, а не обидети», причем дополнительно в договор вводилась старая статья относительно того, чтобы в чужом уделе «ни приставов в мою отчину, ни грамот жаловальных не давати, ни зеель вам не купити, ни закладней не держати» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 216].

Норма эта продолжает действовать и дальше – даже после знаменитого мятежа 1489 г. Бориса и Андрея Васильевичей против старшего брата Ивана Васильевича, вы-

званного прямым нарушением этой нормы она все равно сохраняется в межкняжеских соглашениях. Так, в 1481 году Иван III заключает со своим братом Андреем, участником той самой фронды 1480 года, новый договор. И что же мы видим в нем? – а снова князья договариваются и обещают друг другу отчины, которыми они владеют, «не вступатися» и их, отчины, «блюсти» и «не обидети». Аналогичным образом был составлен и ряд между Иваном и Борисом [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 252, 269].

Подчеркнем – это соглашения внутри московского княжеского дома, а не договоры между великим, к примеру, князем московским и великим князем тверским или рязанским, в которых такая норма также имеется (достаточно взглянуть на текст соглашения между Дмитрием Ивановичем и рязанским князем Олегом Ивановичем или, к примеру, между Иваном III и тверским великим князем Михаилом Борисовичем [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 296]), где она воспринимается как должное. Эта правовая норма была частью правовой культуры и настолько глубоко «прошита» в сознании князей, что, к примеру, когда Иван III составлял свое завещание и подробнейшим образом расписывал, какие уделы он оставляет своим сыновьям, то и здесь он не преминул указать, что младшие братья в удел старшего, будущего Василия III, «не вступаются ни во что, а ведают то по тому, как им в сей духовной грамоте писано», равно как и Василию Иван предписывал «не вступаться» в их уделы [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 359, 360, 361]. Стоит ли после этого удивляться тому, что в 1531 г., договариваясь с братом Юрием, удельным князем Дмитровским, Василий III потребовал от него обещания, что тот не будет ни под каким видом «вступаться» в то, что завещал Василию его отец, великий князь Иван, и что он с Божьей помощью приобретет, «блюсти, и не обидети, ни вступатися ни во что», сел «в наших государьствех, в великих княжствъх во всех, не держати, не купити, ни закладней не держати». Равным образом и Василий обещал Юрию, что и он, в свою очередь, обязуется делать то же самое по отношению к братнему уделу [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 416, 417]. И даже Иван Грозный в своей духовной грамоте, датированной 1572 годом, не отступился от этого правила, – своим детям, Ивану и Федору, он наказывал: «И были есте, дети мои, Иван и Федор, в любви по сему моему наказу, заодин, неразделно, **раздельны бы есте были вотчинами и казнами** (выделено нами. – *Авт.*), а сердцем бы есте и любовью были неразделны» и уделов бы друг на друге не «подъскивали» [Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 428, 432].

Таким образом, можно уверенно сделать вывод, что межкняжеские отношения издавна, по меньшей мере с XIII в. (когда подобного рода нормы впервые фиксируются в документах), строились на принципах взаимного признания полного суверенитета во внутренних делах, прежде всего в вопросах судопроизводства и фискальных. И неважно, шла ли речь о соглашениях между князьями разных домов (московского и тверского, московского и рязанского, тверского и Великого Новгорода и пр.) или же внутри одного дома (например, меж князьями дома Ивана Калиты) – и в том, и в другом случае князья взаимно обязывались «блюсти, и не обидети, ни вступатися ни во что некоторым образом» во внутренние дела партнера по соглашению. И эта внутренняя независимость естественным образом ставила препону на пути формирования единого юридического поля по всей территории Русского государства. Трудно не согласиться с мнением М.М. Бенцианова, который отмечал, что «получая уделы, они (удельные князья. – *Авт.*) стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне», так как, воспитанные при московском дворе, они впитали в себя существовавшие там политические традиции [Бенцианов, 2008, с. 505]. Но вот можно ли назвать эти традиции «централизаторскими»? На наш взгляд, нет, и то же завещание Ивана III это наглядно демонстрирует. Иван, как и его отец прежде и его преемники после, мыслили вполне традиционно, в рамках «старины», а она четко и недвусмысленно предписывала князю действовать так, чтобы «старина», «пошлина», не только не была нарушена, но, напротив, воспроизводилась снова и снова в неиз-

менном виде, а если и была нарушена, то непременно должна была быть восстановлена. В следовании «старине», как уже было отмечено выше, общество, «земля», видела один из важнейших залогов легитимности высшей власти. Да и как мог нарушить ее князь, пусть даже и великий, воспитанный в традиционном духе и почтении к традиции?

Принимая во внимание все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что братьям Ивана III не было никакой нужды прибегать к помощи Судебника 1497 года для того, чтобы вершить судопроизводство в своих уделах. Они вполне могли делать это в рамках «старины» (кстати, есть все основания полагать, что значительная, если не подавляющая часть Судебника 1497 года была ничем иным, как фиксацией на пергамене устоявшихся норм обычного права) или, в конце концов, никто и ничто не мешало им, «сдумавше» вместе со своими боярами, учинить подобного рода судебник и для своих владений.

Однако только ли в уделах не мог по определению работать Судебник 1497 года? Нам представляется, что на этот вопрос может быть лишь один ответ – не только! Рассуждая о праве и правовой системе Русского государства раннего Нового времени, по умолчанию исследователи, как правило, выносят за скобки юридический статус церковных земель – митрополичих, монастырских (в особенности) и иных. Между тем стоит заметить, что еще со времен ордынского владычества церковные земли и обитавшие на них люди находились на особом правовом положении. Правовой статус церковных земель и людей, обитавших на них, хорошо виден, к примеру, из грамоты, что была послана митрополитом Московским и всея Руси Феодосием в Новгород в 1463 году. В ней владыка писал, что «по преданию святых апостол и святых отец уставу, еже то уставили пределы церквам, епископьям, да еже что потягло к которой епископьи манастыреве и игумени, и церньци, и попы, и диаконы, и всяк церковный человек, **те все под областью и в послушании святителю, и никто же да не смеет, ни един христианин, ни мал, ни велик, вступатися в та дела** (выделено нами. – *Авт.*)...» под угрозой отлучения от церкви. Кроме того, продолжал митрополит, «села и земли, и воды, и пошлыны церковныи, и в то посадники и тысяцкие, и бояре Великого Новагорода не вступаются ни о чем» [Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 2008, с. 227].

Таким образом, церковные земли и их обитатели – неважно, были ли они мирянами или же клириками – оказывались за пределами юрисдикции великого князя (или князя удельного), и судопроизводство здесь вершилось согласно нормам канонического и, очевидно, обычного права (кстати, здесь стоит вспомнить выдвинутую русскими юристами 2-й половины XIX в. и поддержанную В.О. Ключевским гипотезу о церковном происхождении «Русской Правды», которая, по их мнению, выступала в роли *jus subsidiarium* для епископов и игуменов, которые вершили суд и расправу в церковных владениях [Пенская, 2020]).

Однако, на наш взгляд, не только и не столько удельные и церковные земли так или иначе оказывались за пределами великокняжеской юрисдикции и, следовательно, нормы Судебника 1497 года там не работали. Обычной в те времена была выдача жалованных, то есть иммунитетных, и кормленых грамот разным лицам. Формуляр же этих грамот был составлен таким образом, что из него можно вывести положение, что, за исключением особо тяжких преступлений, великокняжеская юрисдикция на эти земли также не распространялась. К примеру, в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича архимандриту Спасо-Евфимьева монастыря Герману, выданной в 1538 году, специально оговаривалось, что «нашы наместницы суздальские и волостели и их тиуни тех же людей (монастырских. – *Авт.*) не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным... а ведает и судит тех своих людей архимандрит з братиею сами во всем, или кому прикажут...». Это же положение содержится и в такой же жалованной грамоте, выданной архимандриту того же монастыря в 1547 году, и в другой, датированной 1551 годом, и в грамоте 1576 года [Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1998,]. В том, что эта норма соблюдалась и до Ивана IV, и после него, можно убедиться, обратившись, напри-

мер, к жалованным грамотам Василия III и Михаила Федоровича и даже более ранних времен – середины XV в. [Голубцов, Назаров, 1970; Кистерев, 2000; Прокопенко, 1997].

Аналогичным образом Иван Васильевич в 1550 году жаловал князя И.Ф. Мстиславского в его вотчинных землях правом «ведать и судить» тамошних людей самому или кому прикажет «во всяких делах, и в татьбе, и в душегубстве, и в розбое с поличным», воспрещая одновременно царским наместникам, волостелям и их тиунам вмешиваться в судопроизводство вотчинника [Зимин, 1966, с. 353].

Точно также, посылая кормленщика в ту или иную землю, великий князь выдавал ему грамоту, в которой прописывалось положение, согласно которому «детям боярским и слугам и всем людям той волости» наказывалось кормленщика «читать и слушаться», а тот, в свою очередь, обязан был их «ведать» и «ходить» у них «по старой пошлине, как было прежде сего» [Акты служилых землевладельцев, 1997, с. 40]. И это положение повторяется раз за разом в кормленных грамотах Ивана III. Василия III и Ивана IV [Акты служилых землевладельцев, 1997]. Примечательно, что, наделяя кормленщика правом «ведать» волостными или городскими людьми, великий князь ограничивал это его право «старинной». На практике же это означало, что, не располагая развитым административным аппаратом и соответствующими инструментами принуждения (вспомним приведенную нами раньше характеристику, данную К.В. Петровым, Русского государства как институционально слабого), кормленщик, верша суд и расправу, неизбежно должен был искать сотрудничества со стороны «лутчих» людей той волости или города, куда он был послан. Больше того, верховная власть прямо ему это предписывала – так, в Белозерской уставной грамоте по этому поводу прямо и недвусмысленно говорилось: «А наместником нашим и их тиуном **без сотцково и без добрых людей и не судити суд** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Белозерская уставная грамота, 1985, с. 195].

Любопытный факт – завоевав Полоцк зимой 1563 года, Иван Грозный, отъезжая из своей «отчины», наказывал оставленным наместничать в городе воеводам «управу давать» полочанам всякого чина, от шляхтичей и бояр до земских людей, «розпрося про здешние всякие обиходы, как у них в обычи ведутца, да с их обычая и судити и управы им в городе давати». Больше того, Иван наказывал воеводам «выбрать головы добрые из дворян, кому мочно верити, да приказати им судити в судебно во всяких делах и управа им чинити безволокитно... а записывати у них дьяком земским, выбрав из земских людей из полочан человека два, а в суде быти с ними бурмистром (полоцким же – *Авт.*)...» [Баранов, 2004, 145]. Нетрудно заметить, что в этих пассажах из царского наказа полоцким воеводам присутствуют прямые аналоги с соответствующими положениями Белозерской уставной грамоты, что свидетельствует о чрезвычайной устойчивости «старины» и «пошлины» в судебной практике Русского государства Раннего Нового времени.

В самом деле – местные правовые обычаи складывались веками, а кормленщики – люди временные, они приходят и уходят, откуда же им знать о местной «старине»? Между тем, как уже отмечалось выше, лояльность местных элит (и населения само собой) во многом определялась готовностью верховной власти (и ее представителей на местах) блюсти эту «старину», тем более в таком болезненном вопросе, как судопроизводство. И в таком случае традиция, обычай (и основанные на них правовые нормы) неизбежно будут доминировать над нормами коронного права. И совсем не случайно Судебник 1497 года был посвящен разрешению в первую очередь вопросов, связанных с порядком судопроизводства (как отмечал К.В. Петров, «во-первых, порядок осуществления правосудия, во-вторых, порядок и размеры взимания судебных и иных пошлин, в-третьих, предотвращение злоупотреблений со стороны должностных лиц» [Петров, 2016, с. 295]) – остальные проблемы разрешались на местах в рамках «старины», посредством применения устоявшихся норм обычного права.

Заключение

Еще в 1994 году А.А. Смирнов писал, что в России «военная централизация была достигнута раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III» [Смирнов, 1994, с. 35]. Этот парадоксальный (на первый взгляд) тезис не был, насколько можно судить по публикациям последних лет, сколько-нибудь основательно развит и разработан отечественными (и тем более зарубежными) историками, хотя сама мысль о том, что процессы пресловутой «централизации» в разных сферах жизни русского государства и общества на заре Нового времени развивались с разной скоростью, представляется весьма интересной и перспективной с точки зрения получения нового исторического знания. И если приложить эту идею к развитию русского права в это время, то при пристальном и, что самое главное, непредвзятом, отвлеченном от господствующих в историографии прежних воззрений взгляде нетрудно заметить, что в этой области государственного строительства процессы централизации существенно запаздывали по сравнению с той же военной или политической его составляющей (впрочем, здесь темпы собирания власти в руках государя всея Руси различались не слишком сильно и шли чуть ли не параллельно друг другу).

Это запаздывание, на наш взгляд, было обусловлено в первую очередь объективными материальными условиями, в которых формировалось единое Русское государство. Россия того времени – бедная (на фоне своих европейских современников) страна, с многочисленным рассеянным по большой площади населением, аграрной в своей основе экономикой, неразвитой инфраструктурой, немногочисленными городами, традиционными формами общественного сознания и прочим. Испытывая острую нехватку ресурсов (любых – от материальных и финансовых до людских), но сталкиваясь вместе с тем с растущими вызовами во внешней и внутренней политике, верховная власть была вынуждена решать их в условиях жесткого цейтнота. Привлечение к управлению государством (которое, к тому же, буквально при жизни одного поколения приобрело грандиозные размеры) «земли» и ее «лутчих людей» в этих условиях становилось практически неизбежным – только опираясь на их поддержку и лояльность, власть могла исполнять свои функции. Однако, как отмечал Н.Н. Покровский, это неизбежно означало, что эти первичные социальные общности («города», «миры» и пр.) получали серьезные политические права и играли значимую роль в жизни государства [Алексеев, 1991, с. 6]. Принимая же во внимание «земский» настрой на сохранение и воспроизводство «старины» в ее неизменном виде, стоит ли удивляться медленным темпам политического развития и изменений в правовой сфере Российского государства раннего Нового времени?

Судебник Ивана III, записанный в 1497 году, по определению не мог стать первым общерусским судебником уже в силу того, что не только удельные и церковные земли традиционно выводились из-под великокняжеской юрисдикции, но еще и земли, на которые их владелец или пользователь получил жалованную грамоту с правом осуществления суда над их обитателями. Но даже и в самом великокняжеском домене все было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Наместник, обладавший правом вершить суд и расправу, с одной стороны, не мог не считаться с мнением местных «лутчих людей», местной элиты, для которых обычай, «старина» были «священной коровой». Нарушать же их наместнику было и не с руки и дорого могло обойтись впоследствии – у «земских» никто не отбирал право бить челом государю на допущенные наместником при исполнении им своих обязанностей злоупотребления, а нарушение «пошлины» легко могло подпасть под эту статью. С другой стороны, судя по всему, далеко не каждый наместник располагал рукописью текста Судебника с тем, чтобы ориентироваться на его нормы при отправлении правосудия. Наконец, в не получившем «римской прививки» (В.М. Живов) московском обществе раннего Нового времени практика обращения в «коронный» суд с его крючкотворством, волокитой и мздоимством приживалась с большим трудом, и на местах

тяжущиеся стремились решать спорные вопросы традиционным, неформальным путем, в рамках «старинны». И в таком случае Судебник снова становился не нужен.

По всему выходит, что Судебник Ивана III как памятник раннемодерной русской юридической (если ее можно так назвать) «литературы», скорее можно полагать своего рода упражнением в законотворчестве, нежели реально действующим, пусть и в довольно узком спектре, сводом права. Однако этот первый опыт составления законодательного свода был вместе с тем самым первым шагом на долгом пути, который в конечном итоге, спустя полтора столетия привел к созданию действительно общерусского свода права – Соборного Уложения 1649 года.

Список источников

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. 1997. Т. I. М., Археографический центр, 432 с.
- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. 1998. М.: Памятники исторической мысли, 639 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 407 с.
- Белозерская уставная грамота. 1984. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., Юридическая литература: 191–200.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 586 с.
- Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. 2004. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 2008. М., Языки славянских культур, 552 с.
- Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. 1984. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 520 с.
- Стоглав: Текст. Словоуказатель. 2015. М., СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 320 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
- Алексеев Ю.Г. 2019. Судебник Ивана III. Традиция и реформы. СПб., Дмитрий Буланин, 2001. 446 с.
- Алексеев Ю.Г. 2019. Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб., Изд-во Олега Абышко: 312–711.
- Баранов К.В. 2004. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. Русский дипломатарий. Вып. 10. М., Древлекхранилище: 119–154.
- Бенцианов М.М. 2008. На удельной службе: служилые люди князя Ю.И. Дмитровского. В кн.: Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, НПМП "Волот": 505–521.
- Бенцианов М.М. 1998. Судебник 1497 года и складывание территории Русского государства. Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, НПМП «Волот»: 6–20.
- Голубцов И.А., Назаров В.Д. 1970. Акты XV – начала XVI века. Советские архивы, 5: 80–89
- Зимин А.А. 1966. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. В кн.: Археографический ежегодник. М., 342–353.
- Казаков Р.Б. 2000. Судебник 1497 г. Вопросы истории, 3: 139–145.
- Калашникова А.А. 2016. К вопросу о применении норм Судебника Ивана III. В кн.: Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., Древлекхранилище: 286–293.
- Кистерев С.Н. 2000. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века. В кн.: Русский дипломатарий. Вып. 6. Памятники исторической мысли: 91–123.
- Клосс Б.М., Назаров В.Д. 2000. Судебник 1497 г.: рукопись и текст. Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., «Парад»: 53–75.

- Кром М.М. 2005. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. Одиссей: Человек в истории. Том 2005: 283–303
- Леви Стросс К. 2008. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект, 501 с.
- Насонов А.Н. 1970. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., Наука, 555 с.
- Пенская Т.М. 2020. Русская Правда – памятник церковного права? Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 6(4): 61–76. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-8.
- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). В кн.: Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365–382.
- Петров К.В. 2016. Судебный процесс после принятия Судебника 1497 г. В кн.: Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., Древлехранилище: 294–307.
- Прокопенко А.М. 1997. Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря. В кн.: Русский дипломатарий. Вып. 2. М. Археографический центр: 55–68.
- Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских Пчел. Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV. М., Тип.-я И.Н. Скороходова, 128 с.
- Скрипилев Е.А. 2000. Историография Судебника 1497 г. в литературе XIX–XX вв. В кн.: Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI – XIX вв. М., Парад: 53–75.
- Следственное дело Максима Грека. 1838. Сборник князя Оболенского. Вып. 3. М., 4–15.
- Смирнов А.А. 1994. Государство сражающейся нации. Родина, 9: 34–38.
- Филиппов А.Н. 1886. Народное обычное право как исторический материал. Русская мысль, 7-9(XIII): 56–71.
- Barkey K. 2008. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 342 p.
- Elliott, J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48–71.
- Koenigsberger, H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society. Vol. 5. 2:* 191–217.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press. 504 p.

References

- Alekseev Yu.G 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Publ. Nauka: 240 p.
- Alekseev Yu.G. 2019. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reformy` [Judicial Code of Ivan III. Tradition and reform]. Novosibirsk, Publ. Nauka, 240 p.
- Alekseev YU.G. 2019. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reformy [The trial of Ivan III. Tradition and reforms]. SPb., Publ. Dmitrij Bulanin, 2001. 446 p.
- Alekseev Yu.G. 2019. Gosudarstvo i pravo e`poxi formirovaniya Rossijskogo gosudarstva (XIV–XV vv.) [State and law of the era of the formation of the Russian state (XIV–XV centuries.)]. SPb., Publ. Izd-vo Olega Aby`shko: 334–379.
- Baranov K.V. 2004. Zapisnaya kniga Polockogo pohoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] in Russkij diplomatarij [Russian diplomatarj]. Issue 10. М., Publ. Drevlekhranilishche: 119–154.
- Bencianov M.M. 2008. Na udel'noj sluzhbe: sluzhilye lyudi knyazya Yu.I. Dmitrovskogo [In specific service: service people of Prince Yu.I. Dmitrovsky]. In: Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya [Russia and the world: a panorama of historical development]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 505–521.
- Bencianov M.M. 1998. Sudebnik 1497 goda i skladyvanie territorii Russkogo gosudarstva [Sudebnik of 1497 and the folding of the territory of the Russian state]. Problemy istorii Rossii. Vyp. 2. Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv. [Problems of the history of Russia. Issue. 2. Experience of state building XV– XX centuries]. Ekaterinburg, Publ. NPMP "Volot": 6–20.

- Golubcov I.A., Nazarov V.D. 1970. Akty XV – nachala XVI veka [Acts of the 15th – early 16th centuries] *Sovetskie arhivy*, 5: 80–89.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. 1949 [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. M.-L., Publ. Izd-vo AN SSSR, 407 p.
- Zimin A.A. 1966. Novye dokumenty po istorii mestnogo upravleniya v Rossii pervoj poloviny XVI v. [New documents on the history of local government in Russia in the first half of the 16th century]. In: *Arheograficheskij ezhegodnik* [Archaeographic Yearbook] M., Publ. Nauka: 342–353.
- Kazakov R.B. 2000. Sudebnik 1497 g. [The Code of laws 1497]. *Voprosy istorii*, 3: 139–145.
- Kalashnikova A.A. 2016. K voprosu o primenenii norm Sudebnika Ivana III [On the application of the norms of the Judicial Code of Ivan III]. In: *Grani russkogo Srednevekov`ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev]. M., Publ. Drevlexranilishhe: 286–293. (In Russian)
- Kisterev S.N. 2000. Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v dokumentah XVI – nachala XVII veka [Vladimir Christmas Monastery in documents of the 16th – early 17th century]. In: *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarary]. Issue 6. M., *Pamyatniki istoricheskoy mysli* [Monuments of historical thought]: 91–123.
- Kloss B.M., Nazarov V.D. 2000. Sudebnik 1497 g.: rukopis` i tekst [The Code of Law 1497: the Manuscript and text]. *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI – XIX vv.* [Sudebnik 1497: manuscript and text. Sudebnik of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the 11th–19th centuries] M., Publ. Parad: 53–75.
- Krom M.M. 2006. K ponimaniyu moskovskoj «politiki» XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarhii [Towards an understanding of the Moscow “politics” of the 16th century: the discourse and practice of the Russian late medieval monarchy]. In: *Odissej: Chelovek v istorii* [Odysseus: a man in history]. M., Publ. Nauka: 283–303.
- Levi Stross K. 2008. *Nepriruchennaya my`sli`* [La Pensée sauvage]. K. Levi-Stross. *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya my`sli`* [Le Totemisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.
- Nasonov A.N. 1969. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [The history of Russian chronicles of the XI – beginning of the XVIII century. Essays and Studies]. M., Publ. Nauka, 554 p. (In Russian)
- Penskaya T.M. 2020. *Russkaya Pravda – pamyatnik cerkovnogo prava?* [s Russian Pravda a monument of church law?] *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6(4): 61–76. (In Russian) DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-8.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did Sudebnik in 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S. N. Kisterev “The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century.”)]. In: *Ocherki feodal`noj Rossii* [Essays on feudal Russia]. Issue 12. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo: 365–382.
- Petrov K.V. 2016. Sudebny`j process posle prinyatiya Sudebnika 1497 g. [The trial after the adoption of the Judicial Code of 1497]. In: *Grani russkogo Srednevekov`ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev]. M., Publ. Drevlexranilishhe: 294–307.
- Prokopenko A.M. 1997. *Novye dokumenty po istorii zemlevladieniya Nikolo-Ugreshskogo monastyrya* [New Documents on the History of Land Ownership at the Nikolo-Ugresh Monastery]. In: *Russkij diplomatarij* [Russian diplomatarary]. Issue 2. M., Publ. Arheograficheskij centr: 55–68. (In Russian)
- Rozanov S.P. 1904. *Materialy po istorii russkih Pchel* [Materials on the history of Russian Bees]. *Obshchestvo lyubitelej drevnej pis'mennosti. Pamyatniki drevnej pis'mennosti i iskusstva* [Society of lovers of ancient writing. Monuments of ancient writing and art]. Vyp. CLIV. M., Publ. Tip.-ya I.N Skorohodova, 128 p.
- Skripilev E.A. 2000. *Istoriografiya Sudebnika 1497 g. v literature XIX – XX vv.* [Historiography of the Sudebnik of 1497 in the literature of the 19th–20th centuries]. In: *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv.* [Sudebnik of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the 11th–19th centuries] M., Publ. Parad: 53–75.

- Sledstvennoe delo Maksima Greka 1838. [Investigation case of Maxim Grek] in Sbornik knyazyа Obolenskogo [Collection of Prince Obolensky]. Vyp. 3. M.: 4–15.
- Smirnov A.A. 1994. Gosudarstvo srazhayushcheysya naciі [The State of the Fighting Nation]. *Rodina*, 9: 34–38.
- Filippov A.N. 1886. Narodnoe oby`chnoe pravo kak istoricheskij material [Common usual law as historical material]. *Russkaya my`sľ*, 7-9(XIII): 56–71. (In Russian)
- Barkey K. 2008. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press: 342 p.
- Elliott J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe*: 48–71.
- Koenigsberger, H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society. Vol. 5*: 191–217.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press: 504 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.12.2021
Поступила после рецензирования 15.01.2022
Принята к публикации 01.02.2022

Received December 12, 2021
Revised January 15, 2022
Accepted February 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)